

УДК 82-312.6 + 82-94 + 929

Е. В. Никольский**СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА В СИСТЕМЕ ЖАНРОВ РОМАННОЙ ПРОЗЫ**

Рассматривается специфика особого типа романной прозы — семейной хроники, выявляются ее основные черты: линейная последовательность в изложении событий (хроникальность), специфика проблематики, своеобразие историзма. Показаны особенности, отделяющие семейную хронику от жанров романа-эпопеи, «романа-реки», семейно-бытового, биографического и исторического романов.

Ключевые слова: дифференциация жанров; роман; семейная хроника; роман-эпопея; роман-река; семейная проблематика; история поколений.

Семья и семейные отношения являются предметом изучения психологии, философии, социологии, демографии, истории и других гуманитарных дисциплин. Но именно языком художественной литературы можно доступно и интересно рассказать о семье. Семья является подсистемой общества с многочисленными и многообразными связями и представляет собой своего рода социальный микрокосм, а ее структура — микромодель общества, где в миниатюре заключается вся гамма общественных отношений. История народа материализуется в национальных традициях и стереотипах поведения, хранительницей которых является семья. Подобно хромосоме, именно семья — носительница социальной наследственности, которая в нашей жизни играет не меньшую роль, чем наследственность биологическая. Социальные процессы и отношения моделируются большей частью по образу и подобию межличностных семейных отношений, в которых запрограммирован весь спектр человеческих связей от генов до социально-массовой детерминированности.

Попытки описать семью и обобщить ее традиции появились уже на заре развития мировой словесности. Как известно, семейная история потомков патриарха Авраама (описываются четыре поколения и, не исключая и боковых ветвей) составляет сюжетную основу библейской книги Бытие. Это же сказание легло в основу романа Генрих Манна «Иосиф и его братья».

Подобные мотивы не чужды и для античной классики. Фаддей Францевич Зелинский писал о том, что древнегреческая литература (эпос) началась с генеалогии героев. Например, значительная часть Гесиодовой «Теогонии» посвящена происхождению и борьбе четырех поколений олимпийских божеств. Это было вызвано к жизни тем, что эпические поэты «второго периода» (дидактического эпоса) «задались целью приурочить предания гомеровидов, а также и иные к отдельным героям, поставленным между собой в генеалогическую связь, в видах обнаружения правды о прошлом правящих родов в тогдашней аристократической Греции.

В литературе же Нового времени романы и длинные повествования о бытии и смене поколений воистину украшают каждую национальную литературу. Их объединяют такие общие особенности, как схожесть судеб, развитие конфликтных ситуаций, преемственность и обновление бытовых традиций и т. п.

В немецкой литературе читательское признание отдано «Будденброккам» Т. Манна. Французская литература выдвигает двадцать томов эпопеи о Ругонах и Маккарах Э. Золя; роман «Семья Тибо» М. дю Гара, «...И компания» Жан-Ришара Блока, историческую пентологию «Проклятые короли» М. Дрюона. Английские хроники возглавляет «Сага о Форсайтах» Д. Голсуорси.

Яркие произведения этого типа, созданные в Латинской Америке («Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса и «Дом духов» Исабель Альенде), также соотносятся с этим жанром. Стремление расширить пределы повествования, имеющего вполне частный характер, рассмотреть в малом великое становится влиятельным художественным принципом литературы XX в. Значимое место в этом ряду занимает творчество Уильяма Фолкнера, и особенно его трилогия о Сноупсах: «Деревушка» (1940), «Город» (1957), «Особняк» (1959).

К образцам менее известным мы относим книги многих писателей на территории СНГ, Африки, Скандинавии. В частности, кавказские литературы богаты хрониками: «Из тьмы веков» И. Базоркина, «Манана» А. Абу-Бакара и даже «Женская честь» И. Д. Папаскири и др.

В украинской классической и современной литературе жанр семейной хроники проявился в творчестве А. Свидницкого. Его роман «Люборацкие» мы считаем каноническим образцом жанра в малороссийской художественной словесности XIX в. К этому же типу (или близким к нему разновидностям прозы) можно отнести и русскоязычные произведения «Братья-близнецы» (1857) Олексы Стороженко и «Пан Халявский» (1839–1840) Квитко-Основьяненко, украиноязычные романы «Мария» и «Волынь» (1933) Уласа Самчука, «Петрий и Довбушуки» и «Столпы общества» Ивана Франка, а также «Тени исчезающие» («Тні зникомі») (2002) Валерия Шевчука. Сама по себе малороссийская традиция семейных хроник требует особого рассмотрения. Собственно романная традиция семейных хроник в русской литературе начинается с творчества С. Т. Аксакова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Вс. С. Соловьева.

Как видно из нашего весьма краткого обзора, подробное исследование писателями семейной темы выливается в создание семейной хроники, отличительной особенностью которой является движение (смена) поколений в контексте эпох. В современном литературоведении не сложилось точного определения и типологии жанра семейной хроники. В западноевропейской и отечественной компаративистике своеобразие семейной хроники является одной из менее разработанных проблем. Например, «Литературная энциклопедия терминов и понятий» (М., 2001) приводит около 30 иных разновидностей романной прозы. Но нигде не говорится о такой разновидности этого жанра, как с е м е й н а я х р о н и к а.

В научно-критической литературе это терминологическое сочетание (или близкие ему синонимические определения) время от времени встречаются уже более полувека. Например, в 20-е гг. прошлого века известный литературовед Виктор Шкловский писал, что роман А. М. Горького «Дело Артамоновых» — «выдержанная семейная хроника» [цит. по: Сухих, с. 166]. В предисловии к первому российскому изданию «Отчего дома» Евгения Чирикова мы тоже встре-

чаемся с подобной же дефиницией: «роман — классическая семейная хроника» [Михайлова, Назарова, с. 6]¹.

Однако вопреки традиции научного стиля до сих пор термин «семейная хроника» имеет скорее метафорический и интуитивно постигаемый, а не четко выверенный сциентический характер. При анализе этого жанрового типа присутствует терминологическая неопределенность и в зарубежной филологической науке. Обычно используются термины «roman-fleuve» («роман-река»), неопределенный для выявления четких жанровых критериев и дефиниций термин «family novel» («семейный роман»); порою используется неточный (для изучения специфики темпорального построения произведений) термин «multigenerational novel» — роман о множестве поколений, своеобразный аналог бахтинского терминологического сочетания — «роман поколений» (где таковых, согласно логике, должно насчитываться не менее двух). Имеют хождение такие термины, как «family saga», т. е. семейные (соответственно) сага, хроника, цикл².

Филологи зачастую не дают четкой дефиниции, не вникая в самую суть проблемы. М. М. Бахтин, характеризуя историю развития жанра романа, доводит исследование его типологии до литературы XX в. Этот известный исследователь определяет развитие и изменение в поэтике романного жанра начиная с Античности, обосновывает возникновение новых жанровых разновидностей, среди которых отмечает появление «романа поколений» (термин М. М. Бахтина). Однако такое определение жанра нам не представляется точным и приемлемым в силу ряда причин.

Термин «семейная хроника» нам кажется более верным, так он указывает на ряд определяющих жанровых признаков, характерных для данной формы романа. Семейная хроника, соединяя историю жизни человека с жизнью и историей общества, формирует изображение закономерностей общественных изменений, проявляющихся в становлении героя, в особенностях его социального бытия и психологии.

Появление в XIX—XX вв. многочисленных семейных романов, с большей или меньшей точностью определяемых как «семейные хроники», — «Будденброки» Томаса Манна, «Сага о Форсайтах» Голсуорси, — явление общеизвестное. На развитие семейной хроники оказывают влияние и успехи наук биологического цикла, и увлечение физиологией, и традиции Э. Золя. Убыстрение темпов исторического развития XIX—XX вв. и активное внедрение общественных событий в качестве причинно-следственных составляющих жизни простых людей не могли не отразиться в искусстве и литературе.

Отличительной особенностью семейной хроники является движение (смена) поколений в контексте соответствующих исторических эпох. При этом время измеряется продолжительностью жизни

¹ В другом месте статьи указанных авторов роман именуется то «хроникой-эпопеей», то просто «эпопеей» [см.: Михайлова, Назарова, с. 4, 6].

² В этом контексте укажем также на следующие источники: [Lu Yi-Ling, p. 215; Dell Kersin; Furst, p. 157–177].

поколений, а историческая эпоха представлена через призму частной жизни. Сужение семейной тематики в первой половине XIX в. и, напротив, ее последующее распространение имеют причины социально-исторического и типологического порядка.

М. М. Бахтин, дойдя в своих изысканиях до литературы XX в., не выделяет семейную хронику как особый подвид романа, а только определяет некоторые пути ее дифференциации. Сам этот термин им не вводится, но как синоним рассматриваемого нами жанра он вводит терминологическое сочетание *роман поколений* и определяет некоторые особенности проблематики и мотивов жанра, в частности выделяя как особый мотив «разрушение идиллии». Ученый отмечает, что «роман поколений» с его мотивом «разрушения идиллии» (т. е. вырождения и распада) вызван историческими событиями XIX—XX вв., катаклизмами эпохи. Однако М. М. Бахтин, кроме кратких замечаний, в суть проблемы не вникает, и специфика жанра семейной хроники не стала объектом его исследований. Принимая в целом его концепцию, мы считаем, что общественные катаклизмы, экономические и культурные кризисы второй половины XIX — начала XX в. действительно способствуют появлению «семейной хроники» как особого поджанра романной прозы. Одним из первых романов семейной хроники в мировой литературной традиции стали «Будденброки» Томаса Манна. Это произведение определило быстрое развитие субжанра и показало более-менее четкую форму, что выделило его среди других типов романной прозы [см.: Хазанов, с. 132].

При рассмотрении специфики субжанра семейной хроники обнаруживаются некоторые лакуны, заметные лишь при более детальном изучении этого феномена.

Во-первых, не выявляются четкие дефиниции обеих составляющих жанра, т. е. специфика семейной проблематики и форм хроникальности (включая такие аспекты художественного времени, как неизменная и четкая последовательность, цикличность, линейность, прерывистость, или гетерохрония) [Философский словарь, с. 103]. Во-вторых, не до конца проясняется роль, удельный вес (в общем контексте произведения) и количество поколений, необходимых для того, чтобы семейная хроника состоялась как жанровое явление. В-третьих, не прояснены истоки жанра, не выявлены его предшественники в литературной традиции. В-четвертых, не выявлены сходства и отличия семейной хроники от близкородственных жанров прозы.

Для формирования четкой дефиниции такого романного субжанра, как семейная хроника, с целью разрешения выявленных выше противоречий рассмотрим специфику отображения времени в произведениях этого жанрового типа. Традиционно хроника определяется как литературный жанр, произведение, содержащее изложение исторически достопримечательных событий в их временной линейной последовательности. Хроника призвана запечатлеть факты времени для потомства; в центре ее — время как субъект исторического процесса. Отметим, что, сопрягаясь с хроникальностью, романное начало не утрачивает своей специфики, но все произведение в целом приобретает новый эстетический смысл [см.: Эпштейн, с. 487].

Отличительной особенностью семейной хроники является движение (смена) поколений в контексте соответствующих исторических эпох. При этом время измеряется продолжительностью жизни поколений, а историческая эпоха представлена через призму частной жизни. В развитии художественной семейной хроники обычно действуют представители трех последних поколений, а история рода в более отдаленные времена в сжатом виде сообщается в начале. Она создает своеобразный зачин, являющийся знаком того, что перед нами семейная хроника.

Для произведений этого жанра характерно: соблюдение принципа четкой хронологии, господство линейного принципа, что текстуально оформляется датировкой событий («Будденброки» Томаса Манн), обозначением действия глав («Поющие в терновнике» Колин Маккалоу), соотношением событий романа и событий истории (русские образцы исследуемого жанра: «Хроника четырех поколений» Всеволода Соловьева, «Господа Головлевы» Михаила Салтыкова-Щедрина, «Дело Артамоновых» Максима Горького и др.), а также естественными принципами старения или взросления персонажей. Этим отличаются черты семейной хроники от романов поколений.

Линейный принцип определяет семейную хронику, но в то же время история поколений может быть представлена иными способами (ретроспекцией и воспоминаниями, как в романе В. Шишкова «Угрюм-река» или в романе Дж. Стейнбека «Гроздь гнева»). Отличающей чертой этих произведений является то, что их действия не протянуты во времени и составляют меньший временной отрезок. Исходя из этого можно заключить, что терминологическая формулировка М. М. Бахтина «роман поколений», а также возникший независимо от него термин англоязычного литературоведения «multigenerational novel» нуждаются в уточнении с учетом особенностей поэтики рассматриваемых произведений. Мы считаем линейный принцип крайне важным для семейной хроники, ведь именно в таком случае восприятие исторических явлений становится более целостным и объективным, лучше прослеживаются причинно-следственные связи и закономерности. В случае сбоя в хронологии, фрагментарности, различных форм гетерохронного изложения материала ухудшается качество восприятия. Следует, однако, отметить, что здесь идет речь об иных художественных задачах и иных жанровых формах, поэтому нам термин «семейная хроника» представляется более верным, так как он указывает на ряд определяющих жанровых признаков, характерных для новой формы романа.

Художественное время в семейной хронике представлено жизнью двух—четырех поколений и занимает значительный период в истории общества, что формирует еще одну специфичную черту жанра — соотношение истории страны с историей семьи. Истори́зм романа — семейной хроники своеобразен: крупные события, а порою и реальные исторические деятели, присутствующие в романе, как правило, не интересуют автора сами по себе, но находят отражение как имеющие значение для данной семьи (формирование характера подрастающего или же изменение взглядов взрослого поколения). События гражданской истории воздействуют на быт семьи, трансформируют ее уклад, формируют новые ценности, дают иные направления для деятельности героев. Таким

образом, авторы предлагают именно несколько другой взгляд на историю, как бы снижая ее масштабы и очеловечивая ее. Художественное время может расширяться за счет сведений о родословии героев (вплоть до XVI в. и далее, если учесть, что само действие происходит в XIX—XX вв.).

Рассматривая специфику этого жанра, следует изучить семантику первого слова в названии жанра — *с е м е й н а я*. Этот аспект жанрообразования подразумевает изучение своеобразной проблематики, сюжетно-фабульных сторон произведений, а также категорий времени и пространства. В контексте проблематики можно отметить, что роман — семейная хроника исследует (в различной степени) традиции семьи, ее микроклимат, проблемы отцов и детей, в этот жанр включено также и изучение конфликтов и социальных связей семьи (проблема индивида и общества не является сугубой прерогативой этого жанра, но в нем она тоже присутствует).

Согласно концепции М. М. Бахтина, основой для романного жанра является *к о н ц е п ц и я л и ч н о с т и*. Разумеется, личность немислима вне контактов с обществом. Поэтому при определении личности и ее места в романе надо иметь в виду характер ее взаимоотношений с обществом. Прояснить такое соотношение нам позволяет введенное А. Я. Эсалнек понятие *р о м а н н о й с и т у а ц и и*, составляющей базовую основу романа как жанра. Романная ситуация представляет собою взаимоотношение личности, среды и микросреды, где личностью является герой, обладающий более-менее значимым внутренним миром; микросредой — совокупность главных героев; средой же — совокупность таких героев, с которыми соприкасаются герои романного типа и которые, как правило, далеки и чужды им [см.: Эсалнек, с. 170].

Вследствие этого в романе всегда имеет место дифференциация и иерархия персонажей, которые составляют микросреду и чьи судьбы воспроизводятся наиболее четко и дифференцированно. Им отдается большая часть воспроизводимого в романе пространства и времени, в силу чего романный сюжет, стремясь к полноте и масштабности, как правило, ограничен в пространстве (место пребывания и встреч главных героев), а во времени ограничен тем периодом их жизни, которой необходим для становления и проявления их сознания, для обретения ими более весомой, с точки зрения героя и автора, жизненной позиции.

Для семейной хроники отличительной чертой является *с п е ц и ф и к а с о о т н о ш е н и я с р е д ы и м и к р о с р е д ы*, которая представлена группой лиц, связанных между собой родственными узами. Особо отметим, что состав микросреды в ходе действия романа может меняться: появление на свет, взросление, старение, смерть героев произведения. Так же изменчивы и сами функции персонажей: они могут переходить из главных героев во второстепенные, т. е. из микросреды в среду и наоборот. В проблематику семейных хроник включаются различные аспекты: социально-экономические, нравственные, преемственности или непреемственности поколений и, наконец, эволюция семьи, или, как об этом часто и не всегда обоснованно пишут исследователи, ее деградация.

Обобщение художественного материала семейных хроник, показывает основные мотивы эволюции семейного характера в произведениях этого жанра.

Необходимость изменения характера в семейной истории обусловлена художественной природой произведений. Но вместе с тем сама эволюция психического склада семьи наряду с другими мотивами становится жанрообразующим фактором романа — семейной хроники.

Анализируя общие аспекты проблематики этого жанра, можно выделить несколько наиболее типичных проблем, решаемых семейной хроникой: соотношение истории семьи и истории общества, что, в свою очередь, рождает ряд других особенностей, являющихся прерогативой именно этого жанра и составляющих его классические мотивы, — то, что в литературоведческой науке рассматривается как мотив вырождения (деградации, дегенерации). Такой подход нам представляется несколько односторонним: более правомерно говорить об эволюции характера героев на протяжении семейной истории. Эти изменения могут носить как негативный характер (т. е. вырождение, в том числе рост физических и психических болезней, духовно-интеллектуальное оскудение, снижение социальной активности, физиологическое бесплодие), так и позитивный характер (возрождение, восстановление потенций рода после мрачных лет дегенерации). Изменения могут быть и нейтральными: характер и мировоззрение трансформируются под влиянием событий истории.

Роман рассматривает судьбу двух и более поколений, но при этом, в отличие от биографического романа, где в центре стоит судьба одного человека, но обычно присутствуют краткие упоминания о его предках и потомках, любое поколение самоценно для автора, и описанию жизни поколений уделяется достаточно внимания, что порою увеличивает объем текста произведения. Задачи биографического романа и романа семейной хроники различны, что обуславливает их проблемное и жанровое своеобразие.

Другим типом романной прозы, от которого следует отделить семейную хронику, является роман-эпопея, традиционное определение которого сводится к тому, что основной чертой этого жанра является то, что эпопея воплощает в себе «судьбы народов, сам исторический процесс, и это ставит ее в один ряд с величественными эпопеями прошлого и в то же время отделяет от романов в собственном смысле этого слова, например от романов Г. Флобера, И. С. Тургенева и др. Эпопея занимает большое место и в литературе XX в. К жанру эпопеи можно отнести «Жизнь Клима Самгина» А. М. Горького, «Тихий Дон» М. Шолохова» [подробнее см.: Никольский, 2009; 2011; Кожин]. Развитие концепций романа-эпопеи в советском литературоведении было по преимуществу предопределено идеологическими (включая и деиндивидуалистические тенденции) соображениями. Поэтому мы считаем необходимым отделить роман-эпопею и семейную хронику как жанры, имеющие различные черты и вызванные к жизни различными типами художественного мышления. Основная проблематика семейной хроники — проявление бытия личности в микросреде семьи, а также бытие семьи (как отображение отдельного класса, а не всего общества целом) в социуме.

Другим типом прозы, отличающимся от семейной хроники, является роман-река — собрание мини-романов, расположенных в хронологическом порядке и составляющих единое целое. Но сам термин «роман-река» носит не

строго сциентический, а ярко выраженный метафорический характер. Проблематика подобных произведений весьма широка и многообразна: от нравоописания и изображения быта (англиканское духовенство или парламент Британской империи у Энтони Троллопа), освоения новых пространств и «диалога культур» у Фенимора Купера, широких панорам жизни французского общества (Виктор Гюго, Оноре де Бальзак и Эмиль Золя) до подробного биографического повествования («Жан-Кристоф» Ромена Роллана). К этому типу зарубежные литературоведы порою относят и «Сагу о Форсайтах» Джона Голсуорси и «Семью Тибо» Роже-Мартен дю Гара. Однако все, что объединяет эти произведения, — это их многогранность, а не общность композиционного построения и проблематики. Поэтому у нас возникает закономерный вывод, что семейная хроника и «роман-река» — разные жанры романной прозы. Тем более что сам по себе объем произведения не становится ведущим жанрообразующим фактором, а скорее дополнительным критерием. Отметим, что семейные хроники могут быть и однотомными («Будденброки» Томаса Манна, «Дело Артамоновых» Горького, «Проклятый род» Рукавишниковой, «Дети Ванюхина» Ряжского, ряд хроник, написанных в советский период русской литературы), а также состоять из нескольких частей («Сага о Форсайтах» Голсуорси, «Московская сага» Аксенова, «Хроника четырех поколений» Соловьева). Только во втором случае мы можем говорить (весьма условно) о них как о своего рода «романах-реках». Поэтому ввиду размытости критериев и образной дефиниции термина мы не считаем целесообразным его использование при описании и анализе семейных романов-хроник. Ведь основное отличие «романа-реки» и семейной хроники состоит в их разном направлении. «Роман-река» центробежен: семья, судьбы героев выступают в качестве фона или средства для развертывания событийного полотна — отображения объективной реальности социума. В линейном времени — четкая связь с метафорой реки, когда автор ставит цель показать само течение жизни, нежели вписать ее в рамки сюжетно-композиционных и повествовательных структур.

Семейная хроника, напротив, отличается центристельностью. Здесь семья — основной фокус, точка преломления видения социально-исторического процесса. В «романе-реке» превалирует стремление к максимальной объективизации, отсюда привлекательность данного жанра для писателей-натуралистов второй половины XIX в. Центристельность семейной хроники заведомо тяготеет к субъективности и определению места индивида в историко-социальных и политических процессах. Таким образом, если использовать терминологию классического советского литературоведения, то «роман-река» ближе к эпическому жанру: упомянутые нами произведения часто именовались в русскоязычных работах преимущественно эпопеями. А семейная хроника, где в центре проблематики концепция личности (и, как правило, не одной), относится к собственно романической прозе.

Обычно семейные хроники отражают историю выживания семьи в какую-либо драматическую пору, когда само существование семьи ставится под угрозу. Например, кризис Германии породил «Будденброков» в творчестве Томаса Манна, кризис британской империи — голсуорсовских «Форсайтов», перерож-

дение российской действительности в советскую — «Дело Артамоновых» Горького. Кризис сталинизма породил «Журбиных» В. Кочетова; отчетливый упадок уже советской империи вызвал к жизни жанр семейной хроники в творчестве Г. Маркова («Строговы»), А. Иванова («Вечный зов»), П. Проскурина («Судьба» с двумя продолжениями). На гибель СССР успел отреагировать один В. Аксенов: «Московская сага» была одновременно и пародией на семейно-исторический роман, и первой пробой многих современных приемов. В конце 1990-х гг. проникательные литераторы ощутили некоторую стабилизацию и необходимость осмысления нового бурного периода. Пионером в этом жанре в новом периоде истории русской литературы стал Дмитрий Вересов, написавший романы «Черный ворон» и «Летописец». А поскольку в советской истории много иррационального, он стал одним из первых, кто создал мистический (даже оккультно-языческий) колорит на семейном материале.

Тенденция отображать историю семьи проявилась и в творчестве других современных писателей. Например, у Елены Арсеньевой вышла серия романов «Русская семейная сага»: «Несбывшаяся весна», «Зима в раю», «Осень на краю», «Последнее лето», в которых нашла отражение история русского дворянства и интеллигенции от начала до 60-х гг. двадцатого века. Последовательное изложение судеб трех поколений раскрывает то, как история проходит через жизнь простых людей, коверкая и искажая их судьбы. Однако, несмотря на сложные исторические обстоятельства, герои сохраняют себя и культурное наследие своего сословия. Другие семейные хроники («Дети Ванюхина» Григория Рязского, «Две судьбы» Семена Малкова) известны широким массам наших соотечественников в основном благодаря экранизациям, более или менее удачным.

Если окинуть взглядом книги зарубежных писателей, которые получили литературные награды в XXI в., станет ясно, что семейные саги составляют почти половину почетного списка. Так, Национальной книжной премии США в области художественной литературы были удостоены Джонатан Фрэнзен («Поправки», 2001), Джулия Гласс («Три июня», 2002), Ширли Хаззард («Великий пожар», 2003); Пулицеровской премии — Ричард Руссо («Эмпайр-фолс», 2002), Джеффри Евгенидес («Средний пол», 2003); Национальной книжной премии общества критиков — Иэн Макьюэн («Искушение», 2002). Для литературы сегодняшней Америки характерна «мысль семейная», заключенная в неспешное, многостраничное повествование, возвращающее нас к традиционному роману XIX в.; в моду вошли длинные тексты, связанные сюжеты (предпочтительно с легкой детективной интригой), живые, запоминающиеся персонажи (о которых хочется знать, что с ними произойдет дальше) — члены большой семьи с увлекательным и запутанным прошлым и, конечно, с любовной интригой.

Итак, семейная хроника — это особый тип прозы, обладающий только ему свойственными чертами: проблематикой, спецификой историзма, особенностями хроникального (линейного) построения и миропонимания. В целом же этот жанр, пользующийся большой популярностью среди читателей и имеющий длительную предысторию и блистательную историю, является одним из

перспективных как в элитарной, так и в массовой литературе. В будущем возможно появления новых образцов семейных хроник.

- Кожин В. В.* Эпопея // Лит. энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 1238.
- Михайлова М. В., Назарова А. В.* Россия как отчий дом [Предисловие] // Чириков Е. Н. Отчий Дом. М., 2010. С. 3–27.
- Никольский Е. В.* К вопросу о специфике жанра романа — семейной хроники и его зарождении в русской классической литературе // Вопр. языка и литературы в современных исследованиях : Кирилло-Мефодиевские чтения. М., 2009. С. 314–320.
- Никольский Е. В.* Истоки и развитие жанра «семейная хроника» в русской литературе: от Нестора до наших дней // Традиции в русской литературе. Н. Новгород, 2011. С. 11–23.
- Сухих С. И.* Революционная действительность и художественное сознание Горького // М. Горький и революция : Горьковские чтения — 90. Н. Новгород, 1991.
- Философский словарь.* М., 2001.
- Хазанов Б.* Томас Манн и окрестности : краткий обзор биографий писателя // Знамя. 2001. № 2.
- Эпштейн М. Н.* Хроника // Лит. энцикл. слов. М., 1987.
- Эсаллек А. Я.* Основы литературоведения. Анализ романного текста. М., 2004.
- Lu Yi-Ling.* The family Novel. Toward a generic definition. N. Y., 1992.
- Dell Kersin.* The Family Novel in North America from Post-War to Post-Millennium : A Study in Genre. N. Y., 2007.
- Furst L. R.* «The Ironic Little Dark Chasms of Life» : Narrative Strategies in John Galsworthy's Forsyte Saga and Thomas Mann's Buddenbrooks // LIT: Literature Interpretation Theory. 2006. Vol. 17. L., 2002. P. 157–177.

Статья поступила в редакцию 20.01.2012 г.

УДК 82-96 + 821.161.1.09

Е. Е. Барина

ЖАНР НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ И НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дается обзор работ о научно-популярной литературе, рассматриваются различные генеалогические концепции, необходимые при исследовании жанровой принадлежности научно-популярных текстов и определении их места в системе речевых жанров.

Ключевые слова: научно-популярная литература; теория жанров; генеалогия; жанрология; гибридизация жанров.

Научно-популярная литература (НПЛ), как правило, остается на периферии научных исследований. Однако, несмотря на некоторое пренебрежение к научно-популярной деятельности как таковой, многие признают ее важные социальные функции. В последнее время в России после довольно длительного периода отсутствия интереса к литературе данного жанра в последнее время